

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ИМИ)
ЦЕНТР ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

2015 декабрь

ВЫПУСК 1 (44)

Е.Р. ВОРОНИН

**ДИПЛОМАТИЯ ЧИЧЕРИНА
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ В ЕВРОПЕ**

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ**

УДК 327
ББК 66.49
В 75

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

(Является приложением к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»)

Институт международных исследований МГИМО МИД России

Выпуск 1 (44)
Декабрь 2015

Тема: «Дипломатия Чичерина как инструмент обеспечения государственных интересов в условиях кризисного развития в Европе».

Главный редактор	<i>Александр Орлов</i>
Редактор	<i>Валентина Шанкина</i>
Компьютерная верстка, дизайн	<i>Кирилл Шанкин</i>

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО МИД России

e-mail: ktsmi@mgimo.ru

Отпечатано в типографии
МГИМО МИД России, 2015

Точка зрения авторов исследования
может не совпадать с позицией и
оценками других специалистов
ИМИ МГИМО МИД России

Заказ №
Тираж 500 экз.
Подписано в печать 14.12.2015

© Евгений Ростиславович Воронин, 2015
© МГИМО МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1396-9

Черета быстрых признаний советской республики в 1920-е годы явилась безусловной за­слугой чичеринской дипломатии, рассчитывавшей на «нормированную пассивацию» меж­государственных противоречий по «классовым мотивам». Это был прообраз будущей док­трины мирного сосуществования, подразумевавший активное присутствие большевистской России в общецивилизационном европейском пространстве, с сохранением социалистиче­ского типа государственности и признанием рабоче-крестьянского государства как субъекта международного права и партнера в мировом сообществе.

Восстановление дипломатических и торгово-экономических связей Советской России с западными государствами носило нестабильный характер и зависело от состояния реали­зации и перспектив новой экономической политики советского правительства. Западное признание советского режима было заметно конъюнктурным, а конструкция двусторонних отношений являлась «заложницей» революционных программ Коминтерна в европейских государствах. Коминтерновский фактор, как ни что иное, препятствовал развитию отно­шений Советской России и буржуазного Запада. Впрочем, и в Москве мало кто верил в не­предвзятое отношение западных держав к перспективам равноправного сотрудничества, в их искреннюю готовность к сотрудничеству. Сворачивание НЭПа и возврат к последова­тельной реализации классового подхода и «пролетарского права» восстановили приоритет­ность линии Коминтерна в международной политике СССР. Ставка советского руководства на новые возможности Коминтерна в условиях начавшегося сближения с Западом не могла не повлечь возобновления политической конфронтации и рисков вооруженного противос­тояния. После периода активных обоюдных попыток добиться в форматах двусторонних отношений и рамках международных конференций (Гаага, Генуя, Рапалло) приемлемого идеологического *status quo* вновь возникло ощущение угрозы и реальной опасности войны в Европе.

Наряду с «разочаровывающим» для Запада отказом от НЭПа существенным фактором в сдерживании развития отношений рабоче-крестьянской России с буржуазно-демократиче­ской Европой становилась деятельность европейских секций Коминтерна. Усилия Чичерина добиться «разведения» целей делового межгосударственного сотрудничества как условия хо­зяйственного возрождения страны и задач Коминтерна по изменению политического поло­жения в европейских странах в пользу создания предпосылок революционной ситуации не увенчались успехом. «Закатное» состояние чичеринской внешней политики, опиравшейся на непреложность принадлежности России к европейской цивилизационной и культурной общности, и феномен сосуществования государств с различным политическим устройством при неизменности их идеологических основ не имели перспектив. К концу 1920-х годов чи­черинская доктрина неконфронтационного сосуществования европейских государств на основе взаимного признания международной правосубъектности и интересов друг друга потеряла реальный смысл, претерпев радикальную коррекцию.

Опыт установления новых отношений в Европе, несмотря на отсутствие цивилизацион­ного и правового единства, получил свое выражение, прежде всего, в итогах Генуэзской и Гаагской конференций, а также в советско-германских договорных отношениях 1920-х го­дов. Народный комиссар Георгий Васильевич Чичерин, анализируя в 1922 году итоги пер-

вого пятилетия существования рабоче-крестьянской власти, начинает с высокой метафизики: «Старая истина гласит: историческое дело прочно, когда под ним струится кровь»¹. Для революционеров-дипломатов со всей откровенностью «эта истина оправдалась на примере Советской России: революционная подпольная партия превратилась в великое государство, первостепенную мировую силу». С присущей нарком аристократической утонченностью он позволяет себе использование клише классового врага, упоминая об «эфмерной власти кучки заговорщиков». Исходная оценка роли новой пролетарской дипломатии зиждется на реальности того, что с самого начала своего существования «Советская Россия попала в сеть самых сложных дипломатических воздействий». До сегодняшнего дня просуществовали чичеринские определения ситуации, данные применительно к Русскому Гулливеру во взаимоотношениях того времени с грандами Лиги наций и сопредельными лимитрофами: «...откровенная ожесточенная слепая вражда или лицемерно любезное заигрывание». Впрочем, нарком предпочитает романтический, моцартовский стиль, осуждая империалистические коалиции, стремившиеся использовать «эту странную незнакомку» (великаншу), казавшуюся им «мимолетной игрой исторических сил хаотического момента». Не в силах преодолеть укоренившегося воспитания, верный дипломатической манере обязательной учтивости, Чичерин даже Вильгельма II именуется «самым высокомерным из монархов божьей милостью», «терпевшего отвращение», ставя свою подпись на ратификации Брестского договора «вместе с тов. Свердловым». Неизменный обмен дипломатическими дружественными приветствиями, о которых поминает красный нарком (в те времена — с «представителями императорского германского правительства», хотя «все время знали, что оно готовит нам гибель»), естественно, сохраняется и поныне. Хотя никаких тевтонских «благородных» правителей давно уже нет, а есть другие, совсем не благородные (из «yankees», или иные, с униженным иногда в прошлом человеческим достоинством, бесправным состоянием), похожие опасения существуют.

Генуэзскую конференцию нарком Чичерин рассматривал как необходимую переговорную площадку, где «впервые Советская Россия вступила как великая держава в коллектив европейских государств и стала принимать участие во всех международных делах». Основным итогом Генуэзской конференции чичеринская дипломатия усматривала в том, что «теперь все правительства принуждены считаться с новым рабоче-крестьянским великим государством». Это означало победу внешнеполитической доктрины наркома, заключавшейся в обеспечении, прежде всего, национальных государственных интересов в условиях постверсальской Европы и нарастающего мирового экономического кризиса.

Не абстрагируясь от партийной программы на параллельное коминтерновское формирование условий для возникновения революционных ситуаций в странах Европы, в центр внешней политики нарком Чичерин ставил именно межгосударственные отношения сотрудничества как основы укрепления рабоче-крестьянской власти и утверждения новой государственности. Он постоянно проводил при этом водораздел между дипломатической сферой и идеологическим, партийным курсом в международных делах. В интервью французской газете *Le Petit Parisien* 4 января 1925 года нарком по иностранным делам заявил, что может лишь повторить, что «наше правительство не несет никакой ответственности за Третий Интернационал так же, как правительство Макдональда за второй». Понимая, что западные попытки отождествлять деятельность советского правительства с активностью Коминтерна несут в себе опасность изоляции страны и разрушения основ экономического сотрудничества и политического диалога, руководство Наркоминдел проводило линию на параллельность действий дипломатического и внешнего идеологического характера, не допуская их отождествления. В беседе с французским журналистом из *L'Europe Nouvelle* 19 декабря 1925 года нарком настаивал, что «Коммунистический Интернационал совершенно независим от нашего правительства... Мы не можем отказать Коммунистическому Интернационалу иметь у нас свой Исполком. Это ясно»².

Проблема «разделения» внешнеполитической компетенции между НКВД и ИККИ имела самое непосредственное отношение к обеспечению национальных интересов и идеологического влияния в мире. С весны 1929 года вопросы определения внешнеполитического курса

¹ Международная жизнь. — 1922. — № 15 (133). — С. 4.

² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М., 1961. С. 123.

как вспомогательного в решении задач Коминтерна приобрели особое значение в активности руководства ВКП(б). Мнение Чичерина как руководителя рабоче-крестьянской дипломатии по решениям в области внешней и тем более внутренней политики учитывалось далеко не всегда.

Наверное, в силу своей природной порядочности, приверженности старой (неревлюционной) культуре и профессиональному сознанию Чичерин привык доверять своему окружению и верить в «человеческие начала» взаимоотношений. Невольно дворянская «культура доверия», неотъемлемая от понятия чести, проявлялась и в его наркомовском почерке. Выражение Талейрана — *il n'y a rien de moins aristocratique que l'incrédulité...*, то есть нет ничего менее аристократического, нежели недоверие — воспринималось в старой русской дипломатии не как учтивость, а как направляющее правило во взаимоотношениях дипломатов. С этим сочеталась безупречная человечность и типично русское качество — отзывчивость. В декабре 1923 года возникла перспектива возвращения большой группы врангелевских офицеров из Константинополя в Советскую Россию. Наркоминдел однозначно выступил за предоставление этим русским людям возможности возвращения домой. Обращаясь «в секретном порядке» к начальнику ИНО ОГПУ М.А. Трилиссеру, Чичерин писал: «Около 250 душ бывших белых офицеров в настоящее время голодают...», и ставил вопрос о разрешении им вернуться. Здесь озабоченность спасением человеческих душ, жизни людей, а не их офицерским прошлым. Совсем не в комиссарском стиле, без воляпюка новопринятого языка, Чичерин просил: «Не откажите срочно сообщить мне Ваше мнение по этому вопросу. В случае Вашего согласия на допуск этой группы бывших офицеров в СССР, не откажите отдать нужные распоряжения по Вашей линии нашим пограничным органам»³. Ответ М.А. Трилиссера (из астраханских сапожников) — тогда талантливого руководителя «закордонной разведки» — репрессирован «своими» в феврале 1940 года на расстрельном полигоне Коммунарка Московской области — народному комиссару (из тамбовских дворян) был краток: «ОГПУ возражает против въезда в СССР 250 человек врангелевцев»⁴.

Усилившаяся «линия партийного руководства на активизацию и всемерную поддержку дела революции в зарубежье существенно усложняла (а нередко и затрудняла) функциональное предназначение НКВД...»⁵. Потомственный *diplomate de carrière* не допускал *la diplomatie pagailleuse*, иными словами, «безалаберной дипломатии» новоначальных времен аматерства, из шалыпинского эпистолярия — «конных матросов», НКВД тов. Троцкого. Для действующей дипломатии, предполагающей «прочную букву» дипломатического, юридического текста и имеющей основание в национальном интересе, идеология обычно предстает как смертельный враг реальности. В предисловии к книге Адриано Делл'Аста по близкой проблеме утверждается, что «два извращения реальности — ее идеологическое “упразднение” и ее сведение к “беспощадной фактичности” — в равной мере практиковали две тоталитарные идеологии XX века»⁶. Существо политического и правового состояния в этом случае заключается в том, что «угроза» идеологии предстает в сведении реальности к голым фактам или к определенной интерпретации, что в любом случае ведет к насилию над реальностью⁷.

«Догматическая» дипломатия с ее цивилизованными метафизическими признаками не могла устроить диктатуру с ее классовыми интересами. Ей нужна была революционная линия, или «квазидипломатия», олицетворявшая политику Коминтерна. Как не была нужна и аналитическая юриспруденция, воспринимаемая как нечто кабалистическое и не соответствующее идеологическому пространству большевизма. Тем более что дипломатический ресурс, разумеется, не вечен. Габсбургский случай дипломатии Меттерниха, «самоотверженно, но не творчески оберегавшего Европу от хаоса»⁸ в годы господства легитимистских принципов цивилизации после Венского конгресса 1815 года, тому подтверждение.

³ АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 6. П. 129. Подпапка 2. Д. 260. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. — М., 2002. С. 47.

⁶ Делл'Аста А. В борьбе за реальность. — Киев, 2012. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Шпенглер О. Годы решений. — М., 2006. С. 43.

Излюбленные нестандартные «комбинации» Чичерина, его инициативные «мирные оффензивы» предотвратили изоляционистское состояние страны, к которому вели импровизации «мировой революции» Коминтерна согласно линии Сталина – Каменева. В 1920-е годы мало осязаемым, но действенным противовесом ей стала чичеринская «доктрина выбора» союзников – государств «товарищей по несчастью» в условиях политических и правовых порядков постверсальской Европы. В основе лежали объективные обстоятельства, сблизившие вследствие «национальных унижений» Россию как «союзницу» (после Брест-Литовского договора) с побежденным Антантой бывшим «германским» Четвертым союзом. В последующих пояснениях нарком отмечал, что Рапалльский договор окончательно устанавливал «дружественную связь между противоположным империализму полюсом – Советской республикой – и угнетаемой победоносными империалистическими правительствами Германией»⁹. «Антиверсальский» договор в Рапалло заложил основу советско-германского военного и военно-технического сотрудничества в последующий период (военное авиастроение, производство танков, подготовка германского офицерского состава, в том числе пилотов и парашютистов в Липецкой авиашколе и в Воронеже¹⁰).

«Школа» Рапалло явилась феноменом в европейской дипломатии и имела последствиями позитивные (преодоление изоляции двух крупнейших европейских стран) и деструктивные (с учетом прихода в 1933 году к власти Гитлера) стороны. Рапалльский договор, положивший начало более чем десятилетнему германо-советскому «коалиционному взаимодействию» в военно-политической и экономической сферах, явился и крупнейшим просчетом «версальской» дипломатии, несущей основную долю ответственности за межвоенное цивилизационное развитие. «Фаустовы комбинации» столпов евроцентризма – Парижа и Лондона, по чичеринскому наблюдению, «нешадно кроивших и объединявших Европу», – как и их версальские «ауспиции», или «предсказания авгуров», о мнимом вечном мире, не могли спасти мир в Европе.

На рапалльское сближение между Берлином и Москвой действенно влиял «антипольский» фактор. «Санационная» Речь Посполитая оказывалась, с «рапалльских позиций», на прочном месте французского вассала, пользующегося любым поводом для «забегания» в ряды «правлящей коалиции» в Европе. Веймарская Германия не смирилась с существованием Польши в ее версальских границах. Канцлер Йозеф Вирт в инструкциях послу в Москве поручал «не терять из вида» намерений «покончить с Польшей». «Польский коридор», статус Данцига и проблемы немецкого меньшинства (дискриминация, погромы) сделали всякую стабильность германо-польского существования иллюзорной, а «версальскую» нерушимость польских границ – причиной перманентной напряженности и балансирования на грани вооруженного конфликта.

Веймарский рейх, с опорой «на Рапалло» как единственное внешнее орудие защиты германских интересов, рассчитывал на взаимность с советским руководством. При этом «невыносимость» для советской стороны, по немецкой квалификации, создавшегося положения должна была основываться на трех факторах. В вопросе о границах Чичерин в докладе на заседании ВЦИК (2 сентября 1918 года) «о русско-германских добавочных договорах» указывает, что «применение метода фиктивных самоопределений к пограничным частям России могло бы всякое установление границы сделать иллюзорным». Советско-польская граница по линии Керзона, несмотря на последующие двусторонние договоры и соглашения, так и не стала границей надежного мира. Ни Берлин, ни Москву не могла устроить официальная территориальная доктрина Речи Посполитой, с ее шовинистическими предрассудками насчет восстановления статус-кво в Восточной Европе, существовавшего до первого «польского раздела» в 1772 году. Московская политика противодействия польским амбициям в попытках создать мало-антантовский «санитарный кордон» – при всех усилиях преодолеть «панский гонор» и договориться о разумном сосуществовании – не могла не носить антипольской направленности. Линия Коминтерна, в свою очередь, была ориентирована на коренное изменение политического режима в Польше, отказ от авторитарной практики «санации» и наследия Пилсудского. Активной политике советского правительства и Коминтерна в этом направлении способствовало мощное польское «лобби» в СССР, состоявшее из быв-

⁹ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. – М., 1961. С. 264.

¹⁰ Гребенюк А. Красная армия и дипломатия между мировыми войнами XX века. – М., 2013. С. 161–167.

ших граждан Российской империи различной политической ориентации, в том числе и левых, а также коммунистов-интернационалистов, прошедших революцию и гражданскую войну в России, представленных во всех органах власти и силовых структурах.

Существенное отличие московской «польской» политики от берлинской заключалось главным образом в том, что не ставились под сомнение польская государственность, право на народный суверенитет в решении своей судьбы, справедливые национальные чаяния. Русско-польская «распря» в новые времена рассматривалась с советской стороны исключительно в смысле угрозы превращения Польши в зависимого, несuverенного вассала одной из мощных держав — участниц европейского концерта (ныне — и трансатлантической зоны) — и, тем самым, в инструмент антисоветских интересов.

Непривычные для обычного комиссарского стиля «антиверсальские» выходы из-под угрозы тотальной изоляции рассматривались Чичериным как стержневые задачи, которые реально можно было решить через союзнические взаимоотношения с другими, пострадавшими от Версаля державами — Германией и Турцией. Апология дипломатии в тех обстоятельствах не свойственна замыслу этих строк. Народный комиссариат по иностранным делам в связи с «поголовной инсurreкцией», по сентенции камергера Тхоржевского, карьерных дипломатов (отказом от своих обязанностей) не мог не стать партийным и по классовым основаниям отвергшим старую русскую дипломатию. «Благородство понятия» служения стране наряду с преданностью наркома «мировой революции» определенно сыграли решающую роль в процессах внешнего признания рабоче-крестьянского государства.

Безоговорочно принимая принципиальный большевистский курс в мировых делах, Чичерин признавал неизбежность проблемы *coitus'a*, то есть соития двух внешнеполитических линий — наркоминдельской дипломатии и коминтерновской «революционной практики». Признавая образование III Интернационала «крупнейшим историческим фактом, отразившимся на всей нашей внешней политике», Чичерин не мог согласиться на статус Наркоминдела в качестве «секции» Исполкома ИККИ. Положение осложнялось нарастающей в Наркоминделе «двойственностью» руководящих начал в проведении внешнего курса. По существу речь шла о расколе на «восточников» в лице Чичерина и Карахана, отстаивавших дипломатические методы достижения внешнеполитических целей, и «западников», представленных Литвиновым и Коппом, ставивших в качестве основной задачи проведение коминтерновской линии с расчетом на создание условий для мировой революции. Чичеринское «крыло», реалистически оценивая международную ситуацию, настаивало на отсутствии революционной ситуации в странах Востока — в Турции, Персии и Афганистане. Известно, что нарком в 1921 году в инструкции полпреду в Афганистане Раскольникову предостерегал от искусственных попыток насаждения коммунизма в стране, где «объективных условий» для этого не существовало.

Этой линии Чичерин держался вплоть до своей отставки 21 июля 1930 года. В так называемом завещании новому наркому (полагая, что им станет Куйбышев) он писал, что в Наркоминделе с 1929 года «были открыты шлюзы для всякой демагогии и всякого хулиганства. Теперь работать не нужно, нужно бороться на практике против правого уклона... море склоки, подсиживаний, доносов... Осуществилась диктатура языкочешущих над работающими»¹¹. На его взгляд, Исполком Коминтерна проводил «слишком» авантюристическую линию, которую он пытался ввести в разумные рамки, не подвергая, разумеется, в силу партийных предпочтений, сомнению стратегию «мировой революции». Его фигура нередко воспринималась западными партнерами и русской «дипломатической контрреволюцией» в качестве *l'enfant terrible* партийной номенклатуры, особенно когда он настаивал на выходе советского руководства «из Исполкома Коминтерна, чтобы внешняя политика СССР не ассоциировалась с деятельностью Коминтерна»¹².

Взаимоотношения со Сталиным, в отличие от «покровительственных» ленинских, как утверждается в историко-дипломатических исследованиях, у Чичерина сложиться не могли. Нарком высказывался против насаждения в НКВД сталинских «троек», пытавшихся заниматься сокращениями и «чистками» дипломатического состава, не соглашался с практикой

¹¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. — М., 2002. С. 335; Источник. 1995. №6. С. 107.

¹² Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. — М., 2002. С. 336.

партийных мобилизаций за счет кадровых перемещений и «изъятия» профессиональных сотрудников из наркомата. В обращении к Сталину он указывал на неприемлемость для комиссариата непрофессиональных, говоря «карьерным» языком, «засланных номенклатурных казачков». «Наш комиссариат не может вынести замену хороших, знающих, испытанных, приспособленных работников новыми неприспособленными, непригодными»¹³. Свидетельством мужества наркома было его не скрываемое мнение, что «примат партии над государственной деятельностью... означает паралич государственной власти»¹⁴. В письме Молотову от 3 октября 1924 года Чичерин высказывался против «так называемого примата» партии, предупреждая о серьезных последствиях для дипломатии страны, что «может повести к самым неприятным политическим последствиям»¹⁵. В отличие от «ленинского стиля», когда не признавались полезными «личные вылазки, выпады, шпильки и проч. против Чичерина («ненастоящий» нарком и т.п.)»¹⁶ карьеристов типа Абрама Иоффе, сталинское руководство не могло воспринимать в числе «своих» людей чичеринского типа.

Русская «дипломатическая» эмиграция, представляемая Советом русских послов за границей, в профессиональных оценках деятельности чичеринского внешнеполитического руководства, несмотря на непоколебимое отторжение новой власти, стремилась избегать излишней предвзятости и порой воздавала должное усилиям Наркоминдела. В ознакомительном сообщении из Лондона 26 сентября 1923 года, «осведомлении» Евгения Саблина, русского поверенного в делах в Англии в начале 1920-х годов, в 1898 году выпущенного камер-юнкером в чине X класса из Императорского Александровского (б. Царскосельского) лицея, отмечалось: «Внешняя политика Советов отличается большой эластичностью и применимостью к обстоятельствам, чтобы не сказать более. Поэтому, с одной стороны, московское правительство стремится заключить соглашение с Англией и использовать ее материальные ресурсы, а с другой стороны, оно ведет одновременно сильнейшую агитацию против англичан на Востоке, причем не скрывает, что стремится к свержению английского владычества в Индии. Англичане по-видимому успели свыкнуться с таким способом ведения дел и продолжают, как ни в чем не бывало, дружеские отношения и переговоры с Советами»¹⁷. Разумеется, здесь присутствует некое эмоциональное преувеличение, хотя и объяснимое, видимо, национальными чувствами, все-таки речь шла об отстаивании интересов русской земли.

Объективность оценок эмигрантской «дипломатической оппозиции» присутствует и в таком выводе: «Коммунистическое правительство вообще считает свое международное положение прочным, несмотря на отсутствие официального признания со стороны большинства держав...». Высокой оценки за профессиональную объективность, несмотря на политическую несовместимость с большевиками, заслуживает и вывод: «Это вероятно так и есть на деле, ибо в области международных отношений коммунисты сумели поддержать репутацию российских дипломатов и, невзирая на внутренний упадок, сумели полностью использовать свои козыри в международных отношениях»¹⁸.

Аналитические рассуждения насчет сложившегося положения подводят бывших императорских, оставшихся русскими дипломатов к тому, что «опасность грозит коммунистам с совсем другой стороны, а именно со стороны хозяйственной». «Эти элементы пятый год распоряжаются народным достоянием России, которое они проедают, ничего не создавая»¹⁹. В русском рассеянии, в среде вынужденной эмиграции понимали, что основные цели большевиков заключаются в удержании власти в своих руках, в содействии распространению коммунистических идей в других странах и способствовании захвату там власти коммунистами. По оценкам Совета русских послов за границей, наиболее заметно это прослеживалось в советской политике «по отношению к восточным народам». На них возлагались

¹³ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 59. П. 432. Д. 57591. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 08. Оп. 12. П. 74. Д. 55. Л. 88.

¹⁵ Там же. Л. 26.

¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 111.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 508/3. Д. 65. Л. 19-28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

большие надежды. Сначала успех чичеринской дипломатии, как отмечает Саблин, казался вероятным, но последний год принес много разочарований Советам. Афганцы вновь «замкнулись в свою неприступность после обмена многими любезностями» и даже потребовали возвращения им Кушки. «Персы рассыпались в любезностях», пока им надо было забрать имущество и концессии русских в Персии, а теперь стали преследовать коммунистов в своих пределах. Надежда советов в Туркестане — Энвер-паша, военный советник Красной армии, поднял восстание в Бухаре»²⁰ и был ликвидирован.

В Совете русских послов считали успехи советской дипломатии неустойчивыми, отмечая, что «лишь Ганди в Индии и Кемаль-паша в Анатолии продолжали сотрудничать рука об руку с советами». Утверждалось, что «восточная политика советской власти» — союзничества с государствами Азии — «просела», поскольку кампания Ганди потерпела серьезный неуспех, а Кемаль-паше придется также действовать независимо, «как только минует нужда в поддержке советов». Революционный энтузиазм, видимо, не допускал внимательного отношения к реалиям Турции и пониманию кемалистских, пантюркистских целей.

Подписанный 16 марта 1921 года в Москве советско-турецкий договор закреплял, как подчеркивал нарком Чичерин, дружественные отношения между обеими странами и ставил их на «прочный базис соглашения основных стремлений обоих государств». Турецкие территориальные интересы были учтены и, хотя аджарский Батум был оставлен за Грузией, но армянские Карс, Ардаган и Артвин считались территорией Турции. Взаимодействие в пользу защиты турецких интересов осуществлялось и по военной линии. Как указывал Чичерин, в самый тяжелый для Турции момент греческого наступления Украинское советское правительство предложило делегировать в Ангору (Анкара) Фрунзе в качестве уполномоченного главкома УССР для ведения переговоров о заключении турецко-украинского договора.

«Контенты» Чичерина и Карахана в отношении «антиимпериалистического» курса Мустафы Кемалья, побед над греками и на конференции в Лозанне были предельно понятны вследствие «исключительной» открытости «пролетарской дипломатии» и ее полного пренебрежения к «буржуазным условностям», как то «закрытость» дипломатических переговоров и понятие национальных интересов. Необыкновенные откровения Чичерина в публичной статье «Лозаннская конференция и международное положение»²¹ свидетельствуют, что «над зеленым столом» переговоров в Лозанне «вital призыв Советской России». Вывод наркома — «победа Турции в этой новой обстановке есть снова наша победа». Задаваясь вопросом о причинах величайших уступок мировых держав «маленькой Турции», он сам же отвечает на него: «Потому что они боялись Советской России». К «громчайшей дипломатической победе» Турции нарком относит в статье «полную ликвидацию капитуляций, отказ от национального очага армян, приравнение турок в вопросе о меньшинствах к европейским государствам, обмен, то есть насильственное изгнание всего греческого населения из Турции, за исключением Константинополя...»²².

Объективность требует признать правоту «царских дипломатов» — реальный успех и благоприятные последствия чичеринской восточной «оффензивы» оказались недолговечны и «романтически» призрачны. Вряд ли достаточной и обоснованной, даже для того смутного времени, выглядит и чичеринская инновационная, «революционная и дипломатическая» доктрина, согласно которой «внешняя политика всякого правительства сводится, в конце концов, к двум основным моментам: обороне и наступлению»²³.

Последовавшее изменение международных обстоятельств к 1925 году заставило руководство Наркоминдел выступить с иной оценкой положения страны, подтвердив, что «господствующей комбинацией мировой политики стал единый фронт против СССР». Чичеринские понятия текучести, неясности и неоформленности наиболее тщательно воспроизводят характерные признаки тогдашнего «момента» международных отношений. Определяя политику европейских держав как пораженную «малярией», чичеринская мысль подводит к выводам и оценкам двойных стандартов, и сегодня присущих вечному европейскому Двухлицу Янусу. В условиях постверсальского «кошмара» враждебных комбинаций обоснован-

²⁰ АВП РИ. Ф. 187. Оп. 508/3. Д. 65. Л. 19-28.

²¹ Международная жизнь. 1923. № 2.

²² Там же.

²³ Чичерин Г.В. Речь на третьем съезде Советов СССР // Известия. 1925. 16 мая.

но звучало предупреждение наркома насчет «сложной игры дипломатических комбинаций, которой занимается вся капиталистическая дипломатия», имеющей «своим содержанием, с одной стороны, подготовку на случай войны таких могущественных международных комбинаций, которые служили бы обороной для данной страны, а когда нет войны, обеспечением ее безопасности, защиты ее интересов, ее обороной путем дипломатических комбинаций. Во-вторых, путем дипломатических же комбинаций – подготовку наступательных действий, подготовку завоеваний и совершение завоевательных империалистических действий»²⁴.

Русские дипломаты в эмиграции полагали, что «провал» реальной перспективы «антиимпериалистического» интернационала и советизации стран Востока вынудил правительство Ленина искать возможных союзников в Европе, прежде всего в лице «версальской жертвы» – Германии. Советско-германский договор в Рапалло 1922 года был самой неординарной комбинацией чичеринской дипломатии, вошедшей в число «основных комбинаций мировой политики» на европейском направлении. Германская перспектива, прежде всего в «кредитной сфере», рассматривалась Чичериным, особенно после возникшей неопределенности в идеологическом сближении с кемалистской Турцией, как решающая в противодействии изоляции и на подступах к «европейскому концерту».

Писатель Савва Дангулов в лучшей чичеринской манере описал рапалльские события в редкой по тематической задаче книге «Заутреня в Рапалло». Впрочем, и здесь обнаруживаются странные явления из жизни «дипломатов революции». Один из них, бывший студент Петербургского университета, без пяти минут присяжный поверенный, признается, что стал «экспроприатором»... имевшим отношение к столь деликатному делу как «налет на банк в питерском Фонарном». Невозможно представить себе воспоминание русского дипломата царских времен, который участвовал бы в «вихревой операции», то есть в ограблении, и пустившегося в откровения насчет того, что «легче было накрыть казенные деньги, труднее – унести ноги». Даже в «синей лигурийской тиши» террорист-большевик, а ныне «дипломат революции» все еще слышал топот мчащихся за ним «полицейских стай»²⁵.

Подписанный 16 апреля 1922 года в Рапалло двусторонний договор с РСФСР рассматривался германской стороной как самый важный и «сенсационный» результат веймарской дипломатии. Особо отмечалось, что договор удалось заключить, по сути, вопреки воле как Ратенау, так и Эберта, приверженных соглашательской линии в отношении франко-британского «версальского» диктата. На немецкий взгляд, речь шла о закономерном событии: «две великие державы, проигравшие мировую войну, объединились»; целью было заложить хотя бы начальный противовес тотальному англо-французскому экономическому и политическому засилью в Европе. Тем более, по чичеринской оценке, «трехлетнее господство близорукой политики Мильерана – Пуанкаре успело дотла разорить Германию и... до крайности затруднить восстановление самой Франции».

«Кульминация» обоюдного советско-германского интереса, положившая начало новому этапу взаимоотношений и сотрудничества РСФСР и Веймарской республики, пришлось на июль–август 1920 года – период советско-польской войны. Правительство Штреземана заявляло о своем нейтралитете, но антиверсальское и антипольское настроения доминировали в политической жизни страны и оказывали сильное влияние на формирование новой военной доктрины и внешнеполитической стратегии Германии. Это направление, возглавлявшееся генералом Сектом, дипломатом Аго фон Мальцаном и будущим рейхсканцлером Йозефом Виртом, связывало со сближением с советским режимом особые надежды на крах версальской системы. Немецкий аналитик Эрнст Нольте рассматривает это как «доказательство силы русофильской прусско-немецкой традиции и уверенности», что Германия сможет вновь стать сильной державой, опираясь на антагонизм между Востоком и Западом²⁶. Эрнст Никиш, одна из «магических фигур немецких левых» и одновременно один из носителей антизападной «прусской этики» тех лет, указывал: «Версаль для Германии несравненно более пагубен, чем большевизм»²⁷. Послевоенное немецкое «похмелье» породило немыслимую для иных времен национальную «платформу» антизападного сопротивления ценностям «вер-

²⁴ Чичерин Г.В. Речь на третьем съезде Советов СССР // Известия. 1925. 16 мая.

²⁵ Дангулов С.А. Заутреня в Рапалло. – М., 1981. С. 21.

²⁶ Нольте Эрнст. Европейская гражданская война (1917–1945). – М., 2003. С. 142

²⁷ Никиш Эрнст. Политические сочинения. – СПб., 2011. С. 59.

сальской цивилизации» и насаждаемому франко-англосаксонскому правопорядку. Идеология «платформы» не отвергала тезис, нередко разделяемый «левыми» и «правыми», согласно которому «большевизм есть перманентная революция против Западной Европы; а большевистская Россия – волнующееся силовое поле, готовящее Версальскому порядку позорный провал...»²⁸.

Существенной причиной переговорного поиска обоюдодоприемлемой «элукубрации» (труднорождаемого плода) была, как считали веймарские политики, прежде всего, «озабоченность» параграфом 116 Версальского договора, согласно которому за Россией предполагалось оставить право предъявлять претензии на репарационные выплаты со стороны Германии. «Эфемерная власть кучки заговорщиков», как, по чичеринскому свидетельству, именовали ленинское правительство в верхах Веймарской республики, в свою очередь смогла Рапальским договором предохранить собственные финансовые интересы от возможных немецких претензий о возмещениях за национализированную в РСФСР германскую собственность. Ситуация чем-то напоминала строки из сонета Райнера Марии Рильке: «*Die stillen Kräfte prüfen ihre Breite und sehn einander dunkel an*» («Немые силы пробуют свои пределы, озираясь друг на друга в темноте»²⁹).

Играл роль и польский фактор, в котором Берлин видел «версальскую угрозу» интересам германского политического и экономического восстановления. Канцлер Йозеф Вирт открыто выступал против «хищнического» польского государства. Версальский *parvenue* вызывал немало подозрений вследствие ожидаемых «шляхетских» устремлений и попыток, как их истолковывала европейская дипломатия эпохи карбонариев, «елозить по карте». Чичерин также указывал на стремление Польши «разбрасываться, расширять свое могущество – союз с Румынией, стремление расширить свои восточные связи вплоть до Персии и, наконец, та балтийская политика Польши, носившая воинственный характер (попытки создать на Гельсингфорсской конференции польско-прибалтийскую коалицию против СССР, созыв Рижской конференции генеральных штабов «малой Антанты» и т.п.³⁰). Воздействие «фактора Пилсудского» на становление межгосударственных позиций «рабоче-крестьянского» государства уже удалось нейтрализовать Рижским договором 18 марта 1921 года в итоге польско-советской войны, завершившим «серией договоров с лимитрофами, за исключением Румынии». В числе заслуг красной дипломатии на «польском» направлении называется и «моральная демобилизация» (другой чичеринский термин – моральное разоружение, в современном понимании – разрядка) в результате подписания Караханом и Домбским протокола о выполнении рижских договорных условий³¹. Одна из статей договора (ст. 7) о предоставлении лицам русской, украинской и белорусской национальностей культурно-языковых и религиозных прав оставалась не исполненной и отражала отсутствие доверия и прочной почвы взаимоотношений двух стран в длительной перспективе.

Рапальский договорный механизм, примечательная веха европейской политики «версальского» периода, воспринимался в среде союзников по бывшей Антанте как «реминисценция» Брест-литовского договора РСФСР и кайзеровской Германии 1918 года, так и не ставшего в их глазах анахронизмом. Подобная позиция, впрочем, при всех аллюзиях, вряд ли имела под собой реальное основание. Рапальское согласие, хотя и строилось на вынужденно доверительной основе, не могло ассоциироваться с правовой точки зрения с содержанием сепаратного мира 1918 года, не носившего даже признаков фидуциарного права. Рапальский «успех», как и «нейтральные» генуэзские и лозаннские достижения, могут рассматриваться как «великие призраки» вековой русской школы дипломатии и права. Здесь присутствуют, особенно на «первых парах» октябрьского переворота, наркомовские откровения самого непримиримого толка. Да, она стучится, писал Чичерин, «стучится мировая рабочая революция..., она – незваная гостья, она – незримая смерть»³². Надо понимать «смерть» – для европейской цивилизации...

²⁸ Никиш Эрнст. Политические сочинения. – СПб., 2011. С. 57.

²⁹ Рильке Райнер Мария. Стихотворения. – М., 2000. С. 222.

³⁰ Речь Г.В. Чичерина на III съезде Советов в мае 1925 г.

³¹ Чичерин Г.В. За пять лет // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 4–6.

³² Вестник НКВД. № 1. 20 июня 1919 г.

В русской реальности — невероятно, но бывают, по пушкинскому бессмертному заключению, странные сближения; ситуативное сосуществование традиционных национальных принципов и революционного беспринципного энтузиазма тому подтверждение. В рассуждениях о прочности достигнутого «красной дипломатией» не может не проследиваться коминтерновская «канва», определявшая основные внешнеполитические цели «рабоче-крестьянского» государства в предшествовавшие Второй мировой войне годы. Этим, видимо, и объясняются невероятные уступки чичеринской дипломатии в партнерстве с рядом государств, договорные отношения с которыми не признавали понятия советских национальных интересов. «Отечества больше не было», космополитизм приобрел классовый характер и, несмотря на опровержения марксистов, в русском рассеянии отождествлялся с пролетарским интернационализмом («пролетарий — бедный обыватель, без собственности», см. фразеологический словарь *Михельсона М.И.*, т. 2, с.136).

Специфика внешнеполитического курса РСФСР и СССР, ориентированного на результат, через «неизбежные» компромиссы и уступки с возникшими новыми государствами на Западе и «антиимпериалистическую филантропию» на Востоке, определялась целью преодоления финансово-экономической блокады и реальной угрозой поражения в Гражданской войне. Стояла проблема выживания, спасения максималистского режима любой ценой. Создавалось впечатление, что чичеринская линия, преследуя очевидные всем цели «пролетарского» правительства и Коминтерна, содержала и «некие очертания» попытки не дать «рабоче-крестьянскому» государству выпасть из европейской цивилизации.

Наиболее реальным прорывом блокады считалось заключение договоров с «лимитрофными» государствами — Эстонией и Латвией, бывшими российскими губерниями. При этом в наркомовской «комбинации» содержались два жизненно важных положения: выход на «разговор» с Антантой, которая стояла за «фиктивными» (чичеринский штамп) суверенитетами прибалтов, и «покупка» их поддержки в борьбе с Северо-Западной армией генерала Юденича. По признанию красного наркома, «мы пошли на мирные переговоры вообще с этими государствами и приняли эту программу (Черчилля и Ллойд-Джорджа — авт.) создания кордона прибалтийских государств, мы пошли навстречу английской программе и тем самым создали твердую почву вообще для компромиссов с английской политикой»³³. Большевицское правительство рассматривало подписанный 2 февраля 1920 года Юрьевский (Тартуский) мирный договор с Эстонией как генеральную репетицию соглашения с Антантой. Как заявлял нарком, «мы впервые заговорили о признании независимости Эстонии. Этой нашей принципиальной позицией мы смогли побить наших противников, Колчака и Деникина»³⁴. Правительство в Ревеле со своей стороны также создало необходимые «условия» для достижения договора — интернировав Северо-Западную армию Юденича на своей территории. В основе «незаконных компромиссов» ради военных гарантий лежали значительные уступки российской территории (передача эстонцам большевиками Нарвы, входившей ранее в Петербургскую губернию и никогда ранее не относившейся к Эстляндской губернии, передача Печерского района и т.д.). На заседании ВЦИК 4 февраля подтверждалось, что «границы были проведены несколько (!) восточнее прежней Эстляндской губернии». Грабительский характер цены за замирение с маленькой «антантовской» Эстонией проявился в передаче ей 11,6 млн тонн золота из золотого запаса России, в отказе большевицкого правительства от всей русской государственной собственности на эстонской территории и т.п. Вероятно, недавний опыт брест-литовской сделки по спасению нового режима рассматривался как безотказный и в эстонском, и латвийском случаях. В очередном докладе наркома Чичерина содержится публичное откровение: «тщательно рассмотрев этнографический состав населения, мы согласились на присоединение к Латвии целой полосы Островского уезда Псковской губернии, при том согласились на присоединение Пыталовского железнодорожного узла по экономическим соображениям, потому что железная дорога Латвии повисла бы в воздухе...»³⁵.

³³ Доклад на пленарном заседании ВЦИК (Договор с Эстонией) // Вестник НКВД. 1920. № 3. 4 февраля. С. 1–6.

³⁴ Там же.

³⁵ Доклад на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. II. — М., 1958. С. 638–661.

Политически мотивированные соглашения тогдашних правительств РСФСР и лимитрофных государств дали себя знать в последующем, в наши недавние времена, создав известные проблемы на приграничных территориях. Еще более филантропической выглядела линия «красной дипломатии» и Коминтерна в отношении Турции, Персии и Ирана, где вся российская собственность была безвозмездно передана борющимся с мировым империализмом народам.

Капельная старательность чичеринского профессионализма, идущая от горчаковской «благородной складки», имела мало общего с троцкистским волюнтаризмом, литвиновским карьеризмом и молотовской беспринципностью. Князь Горчаков как классический образец дипломата, писал его почитатель Чичерин, «дипломатический лирик прежней Великой Европы, с отчаянием смотревший на отбросившую старые принципы новую реальную политику»... и восклицавший — «Европа отсутствует»³⁶, близок красному нарком, невзирая на разделившую их навсегда стену между цивилизацией русского прошлого и советского настоящего. Нерасположение великого канцлера к «люциферическому», по булгаковскому наименованию, заражению революцией, которой посвятил жизнь «наследник» Георгий Чичерин, не препятствовало его, народного комиссара, признанию горчаковского дипломатического, «контрреволюционного» наследия. «Моцарт Чичерина» странно сопутствовал «мировой рабочей революции», которая «стучится, как в пьесе Метерлинка незваная гостья, ... она — незримая смерть»³⁷. У «благородного духом» Чичерина есть два упоминания о ненависти. В своем исследовательском этюде «Моцарт» автор напоминает о «европейской» ненависти: пушкинский воображаемый Сальери «вследствие ненависти посредственности к гению хотел отравить живого Моцарта»³⁸. Выступая за «постоянную осторожность и величайшую бдительность» в условиях нового кризиса, нарком в обращении к «безбожно бесстрастному человечеству» настаивал на «одушевленной» ненависти: «коммунистическая дипломатия» вооружена той боевой силой, которую дает ей представляемый ею пролетариат, «одушевленный классовою ненавистью к своим врагам»³⁹. Идеализм наркома без заметной потери партийной принципиальности приобретал сугубо прагматический смысл в интерпретациях методов «красной дипломатии»: только в первые месяцы нашего существования мы призывали к немедленной революции во всех странах, с момента же, когда был подписан Брестский мир, наш метод изменился; с этого времени он принял форму политики, направленной на медленное и органическое укрепление нашего существования⁴⁰. Разумеется, смена метода не меняла существа. «Коммунистическая дипломатия вооружена тем анализом, который дает марксизм, впервые анализирующий общественные отношения», подчеркивал Чичерин.

«Проявления социализма, который... не представлялся еще той злобной софистикой, какой он стал впоследствии»⁴¹, — это тоже Чичерин, но другой, Борис Николаевич, русский философ и правовед, «родной дядя наркома». Либерал-метафизик Борис и революционер-наследник Георгий Чичерины при всех обстоятельствах оставались русскими европейцами, были от плоти цивилизации Европы. И тот, и другой «дорожили изяществом речи». Летом 1930 года Георгий Чичерин восстановил по памяти вопросы «анкеты», которая бытовала в семье во времена его юности⁴². Поводом был «уход из активной жизни» и желание «подвести итоги», а цель — «составить для себя новые ответы на старые вопросы». На вопрос — стиль (о языке)? Ответ — «мелодичный, сложный, неосязаемый, чуть-чуть изысканный»⁴³. Аристократическая «печать» мышления и не свойственная языку революционера манера изложения вряд ли без затруднений воспринимались «трудовым элементом» и соратниками по борьбе. Невозможно отнести к «революционным ободрениям» его ассоциации с римской историей, когда в интервью французской газете он ссылается на «защиту Республики от Ко-

³⁶ Чичерин Г.В. Статьи и речи. — М., 1961. С. 80–81.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Чичерин Г.В. Моцарт. Исследовательский этюд. — Л., 1970. С. 107.

³⁹ Чичерин Г.В. Статьи и речи. — М., 1961. С. 144.

⁴⁰ Там же. С. 187.

⁴¹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. — М., 2001. С. 51.

⁴² Чичерин Г.В. Моцарт. Исследовательский этюд. — Л., 1970. С. 22.

⁴³ Там же. С. 23.

риолана, которому помогали внешние враги» (Кориолан, по римской легенде, изгнанный из Рима полководец, осадивший затем родной город)⁴⁴, подразумевая под ними «белогвардейскую рать» русских генералов и «уклончивых» союзников по Антанте. Возникает облик Чичерина, не способного преодолеть в себе двуликого Януса — убежденного революционного идеалиста и «читающего историю и культуру» глазами русского образованного европейца.

«Первый пункт для благородного человека есть тот, чтоб изыскать своим добрым поведением всеобщую любовь в людях», — утверждал в мемуарах старинный русский дворянин И.Ф. Лукин [Жизнь Лукина, 1865. С. 924]⁴⁵. От ответа на вопрос о предпочтениях — «идеологемных» или культурных, этических для русского чичеринского типа — «учтиво уклониться» затруднительно. Это классическое дипломатическое умение не пригодится. В молодые дни Чичерин, как все «недоросли» из образованных сословий, проходил школу европейского воспитания. Русского европейца образовывали религиозная искренность, духовная свобода и святость долга.

* * *

Разумеется, не все вынесли из своего воспитания богоданные опыты, знания годичного круга церковных служб или, тем более, ревность клирошанина (по образу суворовских «недорослей» с их непререкаемостью веры и «непреодолимой склонностью прославиться добрыми делами»). Духовное состояние чичеринской семьи страдало, как и многих иных образованных фамилий, отсутствием твердой христианской традиции, подверженностью псевдорелигиозным течениям. Экзальтированный лютеранский пиетизм, насаждавшийся матерью Жоржиной Егоровной (ур. баронессой Мейендорф) и отцом, приверженность которого сектантскому, ханжескому фанатизму противоречила принятым понятиям «чести и достоинства» и стоила Василию Чичерину дипломатической карьеры, — неблагоприятно влиял на духовный склад и русское самосознание детей.

Похожие картины «богоборческого воспитания» можно наблюдать на примерах братьев Ульяновых, Набоковых, «генеральских» барышень — казненной террористки Перовской, революционной феминистки Домонтович (Коллонтай) и иных приверженцев радикальных переломов с катастрофическими антицивилизационными следствиями, или сторонников атеистических, *laissez-faire* европейских либеральных взглядов с полной душевной «бесстрастностью», немало порожденной «материнским» безверием и безразличием к православному строю русской жизни. Эмансипированные от «предрассудков» общества «суфражистки» не были некрасовскими русскими женщинами, готовыми «в горящую избу войти» ради спасения «ближнего» или «святой Руси»; их не встретить среди сестер милосердия в лазаретах и на полях русско-японской и Великой войн.

Вышедшая из кружка студенток-народниц в Цюрихе, т.н. «фричей», В. Фигнер была единственной террористкой (прозвище «топни ножкой»), скрывшейся после убийства Александра II Освободителя 1 марта 1881 года. За «исторический» теракт она получила в 1926 году «персональную пожизненную пенсию», хотя октябрьский переворот не признала и большевичкой не стала.

Не менее примечательную жизнь, «вопреки закону», прожила В. Засулич, известная оправдательным приговором, вынесенным «беспристрастным» председателем суда присяжных Ф. Кони по делу о ее покушении на убийство петербургского градоначальника Ф. Трепова, воспринятым «неревлюционной» Россией, по публицистическому свидетельству кн. Мещерского, как «наглое торжество крамолы».

Первая женщина-дипломат Александра Коллонтай, большевик с 1915 года, с ранним сословно-дворянским прошлым, «одной из первых выступила за борьбу с буржуазным феминизмом»⁴⁶. Красный полпред в мировой «фаустовой цивилизации» вызывала в аккредитующих странах буржуазные недоумения по поводу ее «революционно-дипломатического» стиля. «Ангелоподобный» революционный тип, о котором упоминал Бунин в «Окаянных днях», дал побеги в скандальной женской дипломатии американского госдепа наших дней.

⁴⁴ Чичерин Г.В. Статьи и речи. — М., 1961. С. 186.

⁴⁵ Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. — М., 2002. С. 39.

⁴⁶ Дипломатический словарь. Т. 1. — М., 1948. С. 807.

«Запечатленным трудам» народовольных террористок (В. Фигнер) и «любковому общению на почве... идеала рабочего класса» носительниц революционного «крылатого эроса» (А. Коллонтай) противостояли вечные нормы гражданского долга и семейной морали. Именам освободившихся от народной нравственности и христианского завета «странниц революции» не стоять рядом с памятью В. Кн. Елизаветы Романовой, святой подвижницы Марфо-Мариинского милосердия, первых русских женщин-офицеров Марии Бочкаревой и Марии Скрудловой, Георгиевских кавалеров Великой войны, кн. Тенишевой с ее понятием русской народной чести⁴⁷ и благотворительной «мечтой о возрождении России», Елизаветы Бем с удивительной преданностью ее русского стиля высокому отображению духовного состояния народа...⁴⁸ В синодик забытых достойных имен никто уже не впишет подпольных кличек «смутьянок», носительниц «революционного» беззакония и насилия, не знавших добродетельных дел и человеческого смиренномудрия.

Смиренномудрой современницей с «классическим» образованием и воспитанием была Каролина Павлова (ур. Яниш), не признавшая отступления от сакральных устоев и отечественных интересов в угоду романтическим иллюзиям безудержной свободы, ханжеского «самоотречения» за счет чужих жизней. Не принимавшая французской «революционной нужды» скептического века, приверженная «тайне русских сил» поэтесса писала: «Людской толпе, поверьте... опять понадобятся узы, и бросят эти же французы наследство выреченных прав» («Разговор в Трианоне»). Не в пример «передовым» каторжанкам и ссыльным чужбина ей «незнакомая»: «По всем столицам разных наций досель не прогулялась я, не требую эмансипации и самовольного житья» («Мы современницы, графиня...»). Незаимствованная на Западе народная мораль — «осталось свято сердцу внука, что было свято для отцов» («Разговор в Кремле»), — особо проявленная в крымских событиях 50-х годов XIX века, или противумассонская верность долгу у Софии Толль в «Ночных братьях», производили бы, по замечанию в набоковском стиле, «неуместное впечатление» в условиях победной классовой, «коллонтаевской» морали «стакана чистой воды» («пусть любовное общение, на почве окрепшего духа товарищества, станет идеалом рабочего класса»).

* * *

Георгий Чичерин начинал свою жизнь и судьбу «архивным юношей»⁴⁹, поступив в 1897 году в Архивный департамент императорского Министерства иностранных дел. Согласно петровским уложениям о государственной, дипломатической службе, русский дипломат «клятвенно присягал царю на верность» с неременным «заверением» в отсутствие связей с масонской, социалистской и иной подрывной средой. По лесковскому выражению в «Загадочном человеке» — о неучастии «во всяком сообществе по прокламаторской части». Небывалое бывает, к сожалению, и в неблагоприятном смысле: клятвенные обещания предаются, и меняется, применяя флотский язык, жизненный «галс». На дипломатическом языке это звучит как *tourner casaque* — переменитьсь. «Сменить фронты» проще, нежели изменить себя. Изменчивый шаг неверности делает личность ничтожной...

С классово-презрительным «оттенком» писавший о «Меттернихе с 16-ю безукоризненно аристократическими прапрадедами и прапрабабушками» большевик Чичерин относился к похожему дворянско-баронскому «фамильному гнезду». «Поворачивает не флюгер, а ветер», писал в признательных воспоминаниях Виктор Серж, он же Кибальчич Виктор Львович, с «совершенно» революционной судьбой: от французского анархиста до большевика-троцкиста⁵⁰.

Для последующих линий «изошренной» дипломатии профессиональный чичеринский облик стал мерилем преданности делу как смыслу жизни, высоким целям отечественных интересов. Дипломатическая мысль «красного наркома» осталась непревзойденной. Безупречная точность и интеллектуальная основательность его дипломатического языка не име-

⁴⁷ Тенишева М. К., кн. Впечатления моей жизни. — Л., 1991. С. 286.

⁴⁸ Чапкина С. Русский стиль Елизаветы Бем. — М., 2007. С. 7.

⁴⁹ Неизбежно воспоминание о прозвании Соболевским пушкинского поколения «архивны юноши» в начале того же века.

⁵⁰ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. — Оренбург, 2001. С. 61.

ли равных среди его наследников в советском дипломатическом корпусе. Недопустимость навязываемого «трудового» трафарета (вульгарный воляпюк, социальный «кабаретизм», профанная лексика) — черта чичеринского стиля. «Мозги шлифуем рашпилем языка» (Маяковский, 1918 год) — невозможная метафора.

Неоцененный вклад в собрание дипломатических смыслов и политических обозначений лишь подтверждал правоту Василия Розанова, что на Россию опустили «железный занавес»; «пора домой, оглянувшись: нет ни домов, ни шуб» («Апокалипсис»). Присутствующее в дипломатической науке понимание, что создание союзов или коалиций (ныне интеграций) является не просто «гарантийным пактом» безопасности, но преднамеренной «политикой взаимного обезвреживания», понятие «коллективных интересов» принадлежат Чичерину. Его анализ «перерождения и изменения... содержания политической системы Америки в международных отношениях» как комбинации двух формул — доктрины Монро (изоляция низма) и доктрины Хей («открытых дверей») в пользу последней — лежит в основе современного понимания «объективного смысла... основных политических лозунгов» США. Дж. Хей выдвинул принцип открытых дверей для всех, причем, подчеркивает Чичерин, «в первую очередь... с особым применением к Китаю». Превентивная интуиция не подвела: открывая Дальний Восток проникновению американского влияния, Хей «готовил путь будущему мировому положению Североамериканских Соединенных Штатов»⁵¹. Внедренный в отечественную внешнюю доктрину принцип действия исключительно «на основе полного равенства, без искусственно созданного преобладания некоторых держав и с полным устранением принципа экзекуции и принудительных мероприятий»⁵², остается неизменным и бессрочным. Архисовременно звучит и чичеринское упреждение: «Чрезвычайно важным отрицательным фактором мировой политики является империалистический англо-американский блок, тяжелая рука которого чувствуется во всем мире»⁵³.

Преимственность горчаковских и чичеринских внешнеполитических убеждений относительно соотношения российских интересов и дипломатических акций на Востоке и Западе никогда, включая «наш рубеж веков», особых сомнений не вызывала. Два года внешней политики после октябрьского переворота не мешали Чичерину в 1919 году в «Вестнике НКВД» признать эту преимственность: «Разумеется, и при князе Горчакове тонкая игра профессиональной дипломатии остерегалась грубого вторжения слишком ярких событий, и не в меру быстрое наступление в Азии было сдерживаемо министерством иностранных дел, могущие опрокинуть тонкие и сложные расчеты на европейской арене»⁵⁴.

Среди карбонариев и инсургентов разных времен, от талейрановских до чичеринских, немало возникало *revolutionnaires en peau de lapin*, «революционеров в лайковых перчатках»... Блистающее чичеринское перо из той же некрасовской «Чернильницы», владельцу которой (М. Каткову) имя дано — «макающему в разум перо». В недавние времена фиксация близости катковской и чичеринской «преданности делу» показалась бы абсурдной. Но странное сближение бывает. Некрасовские строки сближают...

«Назначен сей муж представлять
Отчизны судьбы вековые
И знамя во длани держать
С девизом "Единство России!"».

Дипломатическая мантра как «феноменальный тест» государственного служения и чиновничьей зависимости во все времена строилась на противоречивых прецедентах конформизма и неконформизма. «Революционная» и «контрреволюционная» дипломатия Европы XX века испытала эти противоречия как никакая иная. В «стране гадаринской» всему цена — известный конформизм... В странах «высокого демократического» флибустьерства, в том числе с опытом «дела Дрейфуса» — ценой консервативного неконформизма становилось фрейдистское кредо — если не удастся тронуть богов, придется расшевелить ад...

Современник наркома Чичерина, энциклопедиста и музыканта-моцартоведа, один из генеральных секретарей французского дипломатического корпуса Алексис Леже, он же нео-

⁵¹ Чичерин Г.В. Растущие соперничества // Известия. — 1925. — 28 июля. (Статья опубликована без подписи).

⁵² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М., 1961. С. 304.

⁵³ Там же. С. 300.

⁵⁴ Там же. С. 91.

быкноуенный поэт Сен-Жон Перс, креол с Гваделупы, вступивший в 1914 году в «ряды» на Кэ д'Орсе, заявил себя как «дипломат тонкого (*subtil*) антиконформизма»⁵⁵. Два дипломата из «разной Европы», из двух европейских стран с губительной патологией революций и с «вандейским» сопротивлением. Якобинский «адский урок» и его «красный» аналог обнаруживают удивительную преемственность. И там и там, на эшафотах и в расстрельных подвалах, оказывались *maitres de penser*, властители дум типа революционного прелата Антуана-Адриена Ламуретта (с его известным *baiser*, «поцелуем» как способе умирить робеспьеровскую одержимость с «роялистским» неконформистским концом и якобинской гильотиной) и «орудовавшего философией как толченым стеклом Бухарина» (язык юриста Вышинского), с его «теорией» пролетарского принуждения, «от расстрелов до трудовой повинности, как методе выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (см. бухаринскую «Экономику переходного периода», гл. X). Другие фигуранты лубянского умолчания, из числа сумевших вызвать «кровавый рассвет» над русской цивилизацией и преданные той же расстрельной, «военноколлегиальной» участи, — «бонапартистские» командармы революции, повторившие судьбу якобинского генерала, гильотинированного «за измену» эльзасца Франсуа- Жозефа Вестермана с его лозунгом «милосердие — не революционное чувство», которого «нельзя было упрекнуть, что он взял хотя бы одного пленного в вандейской бойне», как и Тухачевского — в милосердии при подавлении восстания тамбовских крестьян.

Незримое пересечение карьерных линий Чичерина и Леже «конфиденциально» могло наиболее проявиться в ставшем извечным для Европы германском вопросе. Чичеринский «след» в утверждении антиверсальского *status quo* Европы: договор Москва — Берлин 1922 года в Рапалло — предмет исключительной парижской озабоченности. Генеральная линия Леже как одного из ключевых авторов межвоенной французской политики в Европе строилась на всемерном «удалении Медведя и Орла друг от друга» и обосновывалась «подавляющим» *basso-continuo* версальского засилия в Европе и «опасностями германо-советского сближения»⁵⁶. Комбинаторная затея в Локарно с заключением Рейнского гарантийного пакта 1925 года о территориальном *status quo* на западных границах «веймарского Рейха» и арбитражными соглашениями с поляками и чехословаками, ставших «постоянной клиентеллой» Парижа (французский дипломатический язык: «*la clientele traditionnelle de la France*»), явилась не более чем «профилактическим» договором в противодействии версальских держав восстановлению германского статуса в Европе и решающего функционального шанса не имела. В выигрыше оказалась веймарская дипломатия, добившаяся заключением Локарнских договоров начала ревизии Версальской системы и утверждения «равноправного статуса» Германии, вновь поставив под вопрос военно-политическое превосходство Франции на континенте с опорой на Польско-французский политический договор 1921 года и Франко-чехословацкий договор 1924 года. Вероятно, Алексис Леже, отличавшийся «жесткими и высокомерными манерами не без некоторого анахронизма»⁵⁷ в отношении восточно-европейской «клиентеллы», оказался в «полосе непредсказанных и сложных дипломатических воздействий» (чичеринский вокабуляр).

Очевидность французского просчета в ставке на «локарнскую комбинацию» как инструментарий по недопущению сближения Берлин — Москва обнаружилась с подписанием 12 октября 1925 года, «вслед» за Локарно, московского «рамочного» Договора, включавшего семь германо-советских соглашений о сотрудничестве в областях экономики, железнодорожного транспорта, мореплавания, правовой защиты, налоговой политики и торговых третейских судов. Договор устанавливал, что Рапалльский договор 1922 года «остается неизменным». Последовавшее заключение 24 апреля 1926 года в Берлине Договора о ненападении и нейтралитете подтверждало, что «основой взаимоотношений между Германией и СССР остается Рапалльский договор», и предписывало позицию нейтралитета одной из сторон в случае нападения на другую сторону третьей державы или группы третьих стран. Немаловажное «превентивное» значение имело положение Договора об отказе договаривающихся сторон «примыкать к коалиции третьих держав», имеющей «целью подвергнуть экономиче-

⁵⁵ Meltz R. Alexis Leger dit Saint-John Perse. — Paris, 2008. P. 24.

⁵⁶ Ibid. P. 405.

⁵⁷ Ibid. P. 373.

скому или финансовому бойкоту» одну из сторон. Существенным достижением чичеринской дипломатии явилось включение в текст Договора «обмена нотами»; в соответствии с ним Германия в случае вступления ее в Лигу наций не будет считать для себя обязательным участие в санкциях Лиги (ст. 16 Устава), если таковые будут предприняты против СССР. У наркома Чичерина были основания утверждать: «со времени моего прошлогоднего пребывания в Берлине наши отношения с Германией и наше международное положение упрочились, несмотря на усилия враждебного лагеря»⁵⁸, где преобладал французский отпечаток талейрановской «рецептурной» дипломатии с ее хлесткими смыслами, называемыми «талейранда»: «*Je pardonne aux gens de n'être pas de mon avis, je ne leur pardonne pas d'être du leur*»⁵⁹.

Безуспешная версальская линия на изоляцию «берлинского» и «московского» факторов в политической картографии Европы существенно ослабила военно-политические основания французской гегемонии в межвоенные годы. Признаки упадка постверсальского европорядка как цивилизационной основы порождались непрофессиональной недооценкой, типично «мещанской» западноевропейской ограниченностью, отмечавшейся еще Герценом, и настойчивым непониманием в «русском вопросе».

Параллели в приверженности пониманию и признанию многообразия евроценностей между русскими европейцами «чичеринского типа» и западноевропейскими, признанными носителями «европеизма», неравноценны и нередко затруднительны. Восприятие «версальской» дипломатией «русской» европейскости и ее *modus operandi* в международных делах, похоже, соответствовало ссылке на Алексиса Леже, он же Сен-Жон Перс, «видение которого России остановилось на нескольких стереотипах, более близких Достоевскому, чем советологам того времени»⁶⁰. Французский посол Пьер Морель во вступительной статье к русскому изданию стихов Сен-Жон Перса подтверждал, что Леже «не испытывал особенного интереса к русской культуре; он не любил Толстого. Позднее, преодолев внутренний барьер, он открыл для себя Достоевского»⁶¹. Русская привязанность к французскому слову и галльской мысли известна; в несчитанных предпочтениях почти все «писавшие по-французски», включая не всем франкофонам известных Пьера Лоти, Поля Бурже или Сюлли Прюдома, не говоря уже о почитавшемся Чичериним бельгийце Эмиле Верхарне с его «*Les paysans*» («*La patrie? Allons donc! Qui d'entre eux croit en elle?*»)»⁶².

Политическая несовместимость двух европейских дипломатов не исключала их культурной соединенности, принадлежности одному цивилизационному хронотопу. Неизъяснимое представление о подобной русско-французской близости возникает, возможно, вследствие возвышенного и образного языка обоих, не подверженного конформистским воздействиям и способного выражать обстоятельства реального времени. «Искусство традиционной дипломатии, умевшей в потоке слов притуплять политические обострения и отсрочивать столкновения, в лице одного из последних виртуозов этого традиционного искусства русского посла в Лондоне Сталя»... доведено в литературно-стилистической манере Чичерина до совершенства, и это в крайне неблагоприятных условиях «замуровывания России», «санитарного кордона», «нелепых заподозриваний»⁶³ в противодействии вступлению Германии в Лигу наций.

Наверное, это «победительный сорт» дипломатии, которую Марк Фюмароли назовет *la diplomatie de l'esprit*, или дипломатия духа. Потомственному дипломату, как нередко в минувшие времена, «понятие Россия» обязано своей территориальной сохранностью, величием непреложного места в мире и неприкосновенностью суверенитета, — а не «конным» матросам и крамольным *les amis du peuple*, известным людям-псевдонимам... Достигнутое чичеринской дипломатией осталось, при всех экивоках и «мнящихся» сомнениях, разумным и «изыщным» борением за страну, в каком бы неестественном для себя положении она не

⁵⁸ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М., 1961. С. 488.

⁵⁹ «Я прощаю людям, которые не разделяют мое мнение; я не прощаю им, если они имеют свое» (Castelot A. Talleyrand ou le cynisme. — Paris, 1980. P. 191).

⁶⁰ Meltz R. Alexis Leger dit Saint-John Perse. — Paris, 2008. P. 405.

⁶¹ Перс, Сен-Жон. Избранное. — М., 1996. С. 19.

⁶² Перлы французской поэзии. 6-е изд. — Амстердам, 1915. С. 700.

⁶³ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М., 1961. С. 304.

оказалась. Не «всуе» прозвучит тютчевская строка, если речь идет о Георгие Чичерине: «Ты взял свой день...». Время многое расставило в последующей жизни по своим местам. Не по лукавым партийным «прилогам» и «меркам» Коминтерна, но по правилам простых социальных архетипов в существующей реальности. Вне оставалось лишь «одиночество дипломата». Чичеринского типа личности оно сопутствовало непрерывно и не зависело от окружения. Тем более — от пролеткультурной «гугнивой» или «серебряной антропософской» интеллигенции, о связях с которой почти не известно. Никто не узнает, явилось ли трагическое состояние людей подобного внутреннего склада, ставших на сторону революционного отрицания и губительных культурных компромиссов, проявлением нравственного перелома. Отвергаемое сознание помещичье-служивого сословия или мещанско-семинаристского жизнеполагания бесследно не исчезало, привнося противоречия и старорежимные «поползновения» в антропологию нового «светлого будущего». Что осталось от разрушительных попыток революционного исправления европейских народов и их цивилизации в XX веке, превращения вечных утопий в райскую реальность?

В жизни Чичерина, по известному признанию, были лишь его революция и его Моцарт. Осталась *enigma*, тайна души. Духовный, мистический идеал Моцарта не был, по утверждению наркома, ни *сильфом* и ни *эфиром*, а самым земным, пропитанным соками земли и страстностью жизни. Но сам он, «первый дипломат», оказался тем *un sylphe ethere planant entre le crepuscule du soir et le ciel etoile...* — эфирным *сильфом*, царящим меж вечерних сумерек и звездным небом, как заметил один из немецких филистеров о моцартовском *Adagio*. Нераскаянный итог революционных жизней нередко завершался в недоумении при наступавших тогда опасных обстоятельствах. «Синодик» опальных единомышленников оказывался неисчерпаем, из них большинство «отделано» (язык опричников царя, по записи Карамзина, Иоана Мучителя), то есть расстреляно. Изжившая себя и отстраненная к 1930 году чичеринская «дипломатия цивилизованной преемственности» в размен на идеократический облик классово-внешней доктрины с ее коминтерновской дистопией обрекала бывшего наркома на социальное отчуждение и одиночество, сознание, что далее идет страница жизни, куда, как объяснял себе упоминавшийся Алексис Леже, уже ничто не будет вписано.

Это финальное заключение французского дипломата с известным «инициативным опытом» свершения антиевропейского Мюнхенского соглашения 1938 года (и подписания «вслед» германо-французской декларации 1938 года), внезапно уволенного с дипслужбы главой правительства Полем Рейно 17 мая 1940 года в условиях начавшегося германского вторжения и немыслимого банкротства французской предвоенной политики. Лишенный французского гражданства в октябре вишистским режимом Леже-Перс выбирает уединенное «заокеанское» существование, осуждая коллаборационистов маршала Петена и социалиста Лавалья и не примыкая к «свободной Франции» из-за разногласий с де Голлем.

Внутреннее одиночество всегда сопровождает людей, утративших по вполне объяснимым и обоснованным причинам смысл жизни, заключавшейся в дипломатическом служении стране. Разумеется, одиночество одиночеству рознь. Существование наркома, интеллектуала и пианиста, близкое к изоляции, в арбатском переулке, «молчаливые» звонки по старой памяти в соседний Спаса-хаус, не утраченное, но бесцеремонно «лимитируемое» желание активной, творческой жизни... Уединенная «американская» эмиграция признанного поэта и карьерного дипломата, «*epris de puissance et de gloire*»⁶⁴, потерпевшего двойное поражение — от внешнего, «вечного прусского» врага и, несмотря на «американизированную» поддержку, от внутринационального противника — генерала де Голля. Образы разного прошлого не помеха общим ликам одиночества, относящегося ко временам последующим. В своем «Хронографе» Сен-Жон Перс не скрывал: «Великие годы, мы лгали: нам путь устилают угли, не пепел... Время, что измеряют годами, больше не наше время»⁶⁵.

Каждый из них уверен, что служил своей стране. Как и служивший во все времена всем режимам дипломат *par excellence* и католический епископ Шарль-Морис, принц Талейран де Перигор. В частном письме периода Венского конгресса он писал: «Я прожил тридцать лет моей жизни, не думая ни о чем ином, как быть полезным своей стране. Сегодня я занят собственными интересами, которые ранее совершенно отвергал. В этом мой образ жизни, в этом

⁶⁴ «Влюбленного во власть и славу» (фр.).

⁶⁵ Перс, Сен-Жон. Избранное. — М., 1996. С. 219.

мое душевное состояние, истинная революция...»⁶⁶. Наверное, только аристократ и дипломат Талейран мог быть «революционером» и епископом, многоликим европейским «Янусом *par excellence*». Не потерявший историческую противореволюционность «вандейский» роман «The elusive Pimpernel» баронессы Орши, излюбленная книжка Владимира Набокова – «Неуловимый Курослеп» (цветок, близок лесному тюльпану), – одно из мертвых свидетельств сути революционных переворотов. Немногим отличны от русской послеоктябрьской смуты трагичные обстояния послеиюльского «апофеоза равенства и братства»: «*Paris this September 1793! – or ...Vendemiaire... a city of bloodshed, of humanity in its lowest, most degraded... France herself a gigantic self-devouring monster*⁶⁷... восемьсот сынов древнейших фамилий, создавших историю Франции, отважные генералы Кюстин, Бланшланд, Богарне; истинные патриоты, женщины благородного сердца толпами всходили по деревянным ступеням, ведущим на гильотину...». Принца Талейрана среди них быть не могло. Главный противник «*decadent Christianity*» и Церкви – революция. Неприрожденно служащий ей католический епископ («не забывают, что *Je suis eveque*») за революционное ниспровержение монархической тирании и аристократии, «друг народа» и прирожденно тончайший аристократ – все в едином образе. Немыслимо революционное откровение: «Монархия должна управляться демократами, а республика аристократами»⁶⁸. Оксюморон, симулякр – дворянский революционер? «Дворянские революционеры», французские или русские, «чарующе» (*charmant*) отважны в неприятии и «атаке» (*chevauchee*) против «вандейцев» и «белых стай», убежденно державшихся первой давидовой заповеди мужества – блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на путь грешных не ста, и не сидел в сборище губителей (Пс. I). Несогласные с «самозваной» свободой и «бестрепетным попиранием древних смешных предрассудков», наверное, владели доказательными знаниями вопроса о принадлежности или нет к христианской цивилизации ее низвергающих, их «вещественной» философии существования.

Алексиса Леже называли «двуликим Янусом», имея в виду двойное жизненное credo – поэтическое и дипломатическое. Жизненное основание Георгия Чичерина также состояло из двух частей – «революционной дипломатии» и изысканной музыки Моцарта. Двух европейских современников соединяла некая патология двух «европейских революций», одинаковый интеллектуальный пуантилизм. Для них – «сомнение бесплодно, а боязнь безвольна». «И пусть хоть здесь не видят в них братьев-врагов», говоря строчками одного из них. Европейски высокообразованный «энциклопедист» и профессионально состоявшийся человек с «непререкаемыми» понятиями долга и ответственности может считаться «двуликим Янусом». Но двуликим, или многоликим, оказывается и тот, кто признает внешний конформизм, оставляя право внутренне оставаться самим собой. В этом нередко отражается европейская судьба в ее цивилизационных противоречиях. В вопросе Сен-Жон Перса: «Человек, освещенный на одном берегу, должен ли быть поглощен тьмой на другом?», – проступает некое усилие оправдания ответственности поколений, вовлеченных в переменчивые спасительные и губительные события Европы и олицетворявших тех «подстреленных романтиков», о которых писал Эрнст Юнгер в своих «стальных грозах». Представить Евроцивилизацию и ее носителей непротиворечивыми невозможно. «Ибо огромен и нов час обретения себя. И кому мы уступим честь жить в наше время?» (из нобелевской речи С.-Ж. Перса 10 декабря 1960 года). Не иначе, к новым временам обращены креольские строки: «Созревающие цивилизации не гибнут в агонии осени, а лишь меняют кожу. Опасна только инерция»⁶⁹. Чичеринский анабиоз 1930–1936 годов не оставил ничего, лишь в последних письмах трагическое признание одинокого европейца: «Моцарт был лучшим другом и товарищем всей жизни, я ее прожил с ним, самым сложным и тонким...» (Из письма от 14 апреля 1931 года).

* * *

⁶⁶ Talleyrand. Memoires. – Paris, 1982. P. 783.

⁶⁷ Париж, сентябрь 1793! – или вандемьер (по-республикански)... город кровопролитий, человеческой низости и упадка... вся Франция стала гигантским самопожирающим чудовищем... (пер. автора).

⁶⁸ Castlot A. Talleyrand ou le cynisme. – Paris, 1980. P. 159.

⁶⁹ Сен-Жон Перс. Избранное. – М., 1996. С. 253.

О людях чичеринского достоинства (философах, дипломатах, кавалергардах) Федор Тютчев писал: «Ах, если бы живые крылья души, парящей над толпой, ее спасали от насилия бессмертной пошлости людской».

Один из них – кавалергардский штабс-ротмистр Александр Чичерин, защитник русского Крыма 1920 года, галлиполиец⁷⁰. В числе прочих с фамилией Чичерины – помещичий сын, из Карачаевского уезда Орловской губернии. Известен мужественным спасением в сентябре 1917 года генералов Деникина, Маркова, Эрдели, Ванновского и других от неминуемого «революционно-демократического» самосуда во время перевода из бердичевской тюрьмы. Упокоен на кладбище Ново-Дивеевского женского монастыря близ Нью-Йорка в июле 1967 года.

⁷⁰ Волков С.В. *Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога.* – М., 2002. С. 523.

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России создан в мае 2009 г. в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.), Центра международных исследований (1990–2004 гг.) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.).

В настоящее время в состав ИМИ входят одиннадцать научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр БРИКС,
- Центр евроатлантической безопасности,
- Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр североамериканских и балтийских исследований,
- Центр аналитического мониторинга.

Директор ИМИ – *А.А. Орлов*, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО (У) МИД России (до мая 2009 г. – «Аналитические доклады» НКСМИ) издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru